

АНТОН ЦИЖ

РАССЛЕДОВАНИЕ
РОДИОНА ВАНЗАРОВА

ДОЧЬ КРЫСОЛОВА

Антон Чиж
Дочь крысолова
Серия «Летопись тайных делъ.
Исторические романы Антона Чижа»
Серия «Родион Ванзаров»

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74641886
ISBN 978-5-04-256590-8*

Аннотация

Новое дело петербургского Шерлока Холмса – Родиона Ванзарова.

Изошрённый интеллектуальный триллер в декорациях зимней столицы Российской империи.

Рождественский Петербург кружится в вихре святочных балов, но за праздничным блеском столицы разворачивается зловещая мистерия. Загадочная гибель старой повитухи запускает цепь изошренных преступлений, ведущих к роковой тайне двадцатилетней давности.

Незримый кукловод расчетливо дергает за ниточки, превращая людей в послушных марионеток для своего кровавого спектакля. Чтобы остановить Мышиного короля, сыщику Родиону Ванзарову и криминалисту Аполлону Лебедеву придется

сорвать маску с чудовища прежде, чем праздник обернется смертельной ловушкой.

5 причин прочесть:

- Необъяснимые смерти и городские легенды рубежа веков.
- Аутентичная атмосфера Российской империи XIX столетия.
- Изошренная головоломка, где подозревать приходится каждого.
- Авторский знак качества: «золотой фонд» отечественного ретродетектива.
- Легендарный дуэт сыщика Ванзарова и криминалиста Лебедева снова в деле.

Содержание

Увертюра	6
Действие первое	36
Танец заводных кукол, мазурка	36
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Антон Чиж

Дочь крысолова

Редактор серии Е. Тёрина

Дизайн обложки А. Дурасова

© Чиж А., текст, 2027

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2027

* * *

Увертюра

Ясные звёздочки помигивают в тёмном небе. Окна в морозных узорах. Шторы не задёрнуты. В доме тепло. Трещат поленья в камине. Пахнет корицей, апельсином и хвоей. Настольная лампа светит мягко. Блестит огоньками украшенная ёлка. Шары и гирлянды сверкают бликами. Прекрасное, волшебное время. Время Рождества и святок. Прочь все заботы и хлопоты, прочь! Устраивайтесь поудобнее, дорогие читатели, на диване или в кресле. Укрывайтесь мягким пледом, запаситесь ароматным какао или душистым чаем. Не забудьте прихватить с кухни печенье или пряники.

Вам уютно?

Тепло?

Хорошо...

Пришло время сказок. Когда же рассказывать сказки, как не долгими зимними вечерами на Святках.

Ну, слушайте...

Сказка наша начинается жарким июльским¹ днём 1876 года.

Может быть, июль кого-то радует, например, москвичей или нижегородцев, астраханцев или тамбовцев, но только не жителей Петербурга. Столичный житель встречает июль с

¹ Все даты указаны по старому стилю.

тоской: опять по улицам несутся облака песка и мусора, так что не вздохнуть без кашля. Опять от жары не спасают зонтики. Опять обливаешься потом при каждом движении, и квас не охлаждает, и тень не спасает. Остаётся сбежать на дачу. Горожане, словно стая перелётных гусей, переселяются на всё лето в ближайшие посёлки.

Город пустеет. В столице остаются несчастные, которым дача не по карману или служба не отпускает. Невольные герои при первой возможности стараются улизнуть в городские сады, чтобы укрываться от жары и пыли среди зелени кустов и прочей растительности. Известным местом спасения стал Юсупов сад, что был разбит рядом с дворцом князей Юсуповых ещё в начале XIX века.

Надо сказать, что зимой в Юсупов сад простому смертному не попасть: лёд и берега садового пруда арендует Общество любителей бега на коньках, проводя состязания, роскошные праздники на льду или любезно прокатывая хорошеньких дам. Попасть в члены Общества мечтают все, но допускают избранных, уважаемых и состоятельных. Как-то раз отказали министру, так что он, обидевшись...

Но не будем отвлекаться.

Да, зимой Юсупов сад недоступен.

А летом широко открывает кованые ворота всем желающим. Немедленно все желающие спастись от зноя заполняют дорожки сада, наслаждаясь прохладой пруда. На его водной глади летом тренируются члены Общества спасения на во-

дах. Что разумно: если спасти того, на ком тренировались, не вышло, утонуть в Юсуповом трудно, дно неглубокое.

В час после полудня посетители сада разбрелись кто куда. В тенистом уголке, как нарочно укрытом густыми кустами, остановилась пара. Молодой мужчина был смуглолиц, с глазами будто горящие угольки. Чёрные волосы вились кудрями, что заметно было даже под белой шляпой с широкими полями, какие носят у нас только художники или купцы, съездившие в Париж. Свободной рукой он делал нервные, порывистые жесты. Сам казался горячим, как южная кровь. Надо признать, что юноши этого сорта глубоко ранят сердца девиц тоской и мечтами.

Барышня, опиравшаяся на его руку, казалась типичной жительницей столицы, то есть была изящна фигурой и бела кожей лица, с которого не сходило чуть горделивое выражение. Она могла показаться немного холодной и даже надменной. Будем справедливы: в Петербурге напускной холодок – не редкость среди незамужних девиц. Климат, что ли, такой промозглый...

Быть может, вы ждёте сравнения: «Они были как лёд и пламя»? Что ж, пусть так и будет: как лёд и пламя.

Меж собой они общались вполголоса и замолкали, когда появлялся посторонний. Когда очередная спина скрылась за поворотом дорожки и большим кустом, барышня вздохнула горестно:

– Нет, это ужасно...

Молодой человек порывисто сжал её пальчики, затянутые в кружева перчатки:

– О, сердце моё! Не дайте печали! Ничего плохого нет! – Он говорил с приятным акцентом, как всякий иностранец, основательно поживший в России.

Она мягко вытащила пальчики из мужского захвата.

– Но что же мне делать?

– Немного потерпеть надо. К лучшему! – с напором ответил он.

– К лучшему? Что же тут может быть к лучшему...

– После мне дадут разрешение. Будет награда моя. Они не смогут отказать.

Барышня слегка сморщила носик.

– Не понимаю, почему надо ждать... Я не могу ждать... Вы должны понимать.

– О, я понял! Душа рвётся к вам, сердце моё. Мой долг. Служба. Будет хорошо. Даю слово.

Она снова вздохнула, как умеют только барышни, которые не могут получить желаемое.

– Я так боюсь...

От избытка чувств молодой человек чуть не сжал спутницу в объятиях, но сдержался: такое поведение в публичном месте недопустимо. Ещё городского позовут.

– О, сердце моё! Не надо бояться. Нас ждёт счастье!

– Счастье, – повторила она в сомнении. – Счастье не может быть в разлуке.

Он издал звук, будто в душе у него клокотал кипяток.

– Какое мучение! Только терпеть. Совсем мало! Потом наше счастье! Верите мне. Верите!

– Хорошо, я вам верю, – ответила она и заглянула в его горящие глаза. – Когда же это случится?

– Скоро... Начало август.

– И как надолго?

Молодой человек сделал движение, будто боднул головой муху.

– Две недели... Может, чуть много... Он едет смотреть Москва. Я в свите от нашей миссии.

– Почему нельзя послать кого-то другого?

– О, сердце моё! Это большая честь, мой шанс, мой карьера. Такое один раз. Больше никогда. Нельзя отказать. Моя жертва для наше счастье, для наше будущее, для вас...

– Москва! – сказала она с брезгливой интонацией, какой произносят это слово спесивые столичные жители. – Зачем ему понадобилась Москва? Что хорошего в Москве? Калачи да базары. Петербурга, что ли, мало?

– Он хочет изучить Россия. Европейское путешествие... Он образован. У него много интереса. Читает много книг. Учёный. Всё будет хорошо! Небольшой разлука! Москва близко. Верьте мне, сердце моё!

Она постаралась улыбнуться, чтобы поощрить молодого человека. Вышло неискренне.

– Хорошо, если так надо... Но я очень боюсь...

С огнём и жаром он продолжил убеждать барышню.

Они были так заняты своими чувствами, страхами и надеждой, что не замечали ничего вокруг себя.

Густая зелень Юсупова сада имеет странное свойство: за нею легко скрыться и наблюдать оттуда, оставаясь незамеченным. И слышать каждое слово, которое слетело с уст. Не скрыть ничего, что должно остаться в тайне.

* * *

Как полагается в сказках, незаметно, с осенними листьями, дождями и первым снегом, пролетело пять месяцев. Наступил конец года.

* * *

Утром 31 декабря в большой квартире купца Миркумова, занимавшей второй этаж доходного дома на Гороховой улице недалеко от Каменного моста, собрались гости. В приглашении было написано «утренник», то есть детская ёлка. Что было непривычно. По общей традиции детскую ёлку в семье принято устраивать утром 25 декабря, в Рождество. Новый год в середине Святков не считался важным событием, которое надо отмечать праздником.

Отказать гости не могли: они служили в магазинах Мир-

кумова. Собравшихся в просторной гостиной было немного: трое старших приказчиков без жён и детей, незнакомый юноша, державшийся строго и независимо, и невысокий господин с бакенбардами и крючковатым носом, который осматривал всех цепким взглядом и не мог устоять на месте, то качаясь на каблуках, то перешагивая туда-сюда.

Чуть в стороне от всех держался, явно смущаясь, рано лысеющий мужчина в потёртом пиджаке. На вид ему было не более двадцати пяти, но заботы оставили на лице заметный след. К нему жалась девочка лет трёх, державшая за руку брата, старше её года на два. Дети были одеты скромно, если не сказать бедно. Во все глаза они смотрели на огромную ёлку, украшенную так богато, будто в сказке, не самодельными игрушками, а настоящими немецкими стеклянными шарами, конфетами и орешками в золотой фольге. Под ёлкой никаких подарков не было, потому что подарки дарят на Рождество. Зато там одиноко стояла модная и дорогая кукла – нюрнбергский деревянный Щелкун в гусарской форме с раскрытой пастью. Мода на сказки Гофмана охватила столицу после недавнего издания собрания сочинений в русском переводе.

У стены был накрыт стол с обильными холодными закусками, графинчиками настоек и шампанским. По краям стола замерли нанятые официанты. К тарелкам мейсенского фарфора и хрустальным бокалам никто не прикоснулся. Ждали хозяина. Он задерживался в комнатах.

Двери распахнулись, в гостиную решительным шагом вошёл купец. За ним следовали жена и дочь. На каждом из них задержим взгляд.

Господин Миркумов напоминал скалу или былинного богатыря. Грубые черты лица говорили о крепких крестьянских корнях, кулаки размером с арбуз – о природной силе. Одет строго по европейской моде, из украшений только перстень с брильянтом, золотая цепочка на жилетке, причём без брелоков, брильянтовая заколка в галстуке. От привычек купечества осталась ухоженная борода.

Появление столь мощной фигуры заставило гостей поклониться, как при выходе царственной особы. Поклон не отдал лишь вёрткий господин с бакенбардами.

– Пришли? Хорошо, – сказал Миркумов вместо приветствия.

Ах да, мы же забыли про двух женщин.

Жена Миркумова на его фоне казалась крошкой, хотя имела нормальный для женщины средний рост. Внешность её была как будто с восточными корнями, может, и турецкими, что в соединении со славянской кровью часто порождает редкую красоту, хоть у супруги и поблёкшую с годами. В семье роль её сводилась к тому, чтобы быть покорной и молчаливой хозяйкой над прислугой. Не будем осуждать Миркумова за деспотизм. Сами понимаете: времена были царские, самодержавные, никакой демократии и вольности в семье не позволялось. Не то что теперь!

А дочь... Дочь его держалась прямо. Что давалось ей с большим трудом. На лице, взявшем от матери свежесть красоты, виднелись синие круги под глазами, как после болезни, волосы просто убраны назад, без намёка на причёску. Она была в чёрном платье с глухим воротом. Такой наряд уместен для траура, а не праздника.

Гости сделали вид, что так и должно быть, ничего удивительного, взглядами не обменивались. Не смели повернуть головы в присутствии Миркумова.

Хозяин приказал налить шампанское. Официанты откупорили бутылки, наполнили бокалы, разнесли по гостям. Барышня не взяла поднесённый бокал.

– У нас в семье большая радость, – сказал Миркумов, глядя в натёртый паркет. – Господин Хабалов оказал нам честь и сделал предложение Арсении...

Он взял паузу, чтобы гости осознали услышанное. Приказчики принялись переглядываться и посматривать на счастливого, которого прежде не обращали внимания. Господин Хабалов стоял как молнией поражённый. Только что не дымился и не искрил. На лице его застыло выражение: «Я не ослышался? Правда? Такое счастье привалило мне?»

Раздался звук, будто кто-то подавил крик. Может, официант задел бутылкой фарфор.

– Моя дочь приняла предложение и ответила согласием, мы с женой благословили брак. Обручение состоялось. Господин Хабалов, подойдите к вашей невесте.

Оторвав цепляющихся напуганных детей, Хабалов робко приблизился. Ему указали место справа от Арсении, легонько подтолкнув хозяйской рукой, когда он замешкался. Взглянуть на будущую жену Хабалов не посмел. Счастливая невеста отрешённо смотрела прямо перед собой.

– Свадьба состоится сразу после Крещения, как положено, – сказал Миркумов, держа в кулаке тонкую ножку бокала. – Поднимаю тост за счастливую жизнь новой семьи господина и госпожи Хабаловых.

Возникла заминка. Словно гости не верили в происходящее. Действительно, было от чего прийти в замешательство. Обучение во время Святков – законная традиция после окончания Рождественского поста. Но объявить вот так публично – на грани приличий. Точнее, за гранью: сделать девушке предложение и получить благословение родителей – дело сугубо семейное, почти тайное, не для посторонних глаз. Не принято так объявлять помолвку. Да и жених обязан с подарками явиться, прежде чем требовать руку и сердце. А тут – ничего. Всё с ног на голову перевернуто. Кто возразит Миркумову? Сделает, что пожелает.

«Какой позор для дочери!» – про себя подумали приказчики. Что подумал господин с бакенбардами, объяснить трудно. На губах его застыла змеиная улыбка.

– Что застыли? Пейте.

Гости взялись за бокалы. Хабалов только пригубил. Невеста не шелохнулась, будто не её помолвку начали праздновать.

вать. Матушка незаметно придерживала дочь. Мало ли что. От такого счастья в обморок упасть недолго.

Грохнул бокал и разлетелся на осколки. Бросивший его молодой человек выбежал вон, вдобавок хлопнув дверью.

– На счастье, – сказал Миркумов без тени досады. – Закусывайте...

Гости послушно повернулись к столу, будто ничего не случилось, и принялись накладывать на тарелки нарезку мясную и рыбную на любой вкус. Официант умело замёл осколки. Девочка и мальчик жались друг к дружке, оставшись в одиночестве.

– Иди к ним, – Миркумов кивком указал на детей. – На корми... Обо всём после, когда эти уйдут.

Не посмев взглянуть на невесту, Хабалов вернулся к детям, наклонился, стал что-то объяснять девочке. Мальчик держался за сестру, не отрываясь смотрел на волшебную ёлку. Будто его околдовали злые чары.

Зазвенели вилки. Гости с аппетитом заедали смущение. С чьей-то тарелки шмякнулся сочный кусок копчёного астраханского сала. Официант не успел подобрать. В еловых ветвях зашуршало, из нижних лап выпрыгнула серая тень, метнулась к салу, схватила зубами, замерла, озираясь, ища путь спасения. И бросилась туда, где было меньше людей.

Каблук Миркумова был точен. Глухим ударом вдавил в лепёшку.

– Развелось дряни, – сказал он, стряхивая с каблука на-

липшее. – Прохорыча надо звать. Что застыли? Крыс не видели... Радует, празднуем. Официанты, шампанского!

Невеста повернулась и вышла. Мать, смахнув слезинку, последовала за ней.

– Рассчитаемся ещё, – пробормотал Миркумов одними губами. – Вернуть Ваньку!

Официанты бросились догонять. Гости чокались за здоровье молодых. Бокалы звенели.

* * *

А в нашей сказке не успеешь оглянуться – уже пролетели Святки. С колокольным звоном и водосвятием столица отметила Крещение. Праздники кончились. Наступила пора зимних свадеб.

* * *

Поздним вечером 10 января из трактира Васильева с крепкими напитками², что издавна располагался на Мясной улице недалеко от реки Пряжки, вышли двое. Держались они за плечи друг друга, пошатываясь и смеясь. Дело обычное –

² В Петербурге трактиры делились на четыре категории: постоянные дворы, съестные лавки, чайные и с крепкими напитками. Официально водку разливали только в последних. В постоянных дворах разрешалось пиво, в съестных лавках сбить, в чайных, разумеется, чай.

подгуляли, выпили малость лишнего.

Вид и одежда говорили, что гуляки не из рабочих или мастеровых, не крестьяне, не прислуга или извозчики, а из «чистых господ», как народ называл тех, кто не трудился до мозолей, не считал каждую копейку и мог позволить себе зимнее пальто с тёплой шапкой. То есть наверняка из служилого, чиновничьего сословия.

Пойти в трактир мелкому чиновнику было не зазорно. Во-первых, потому, что хозяин держал заведение в порядке: у половых чистые фартуки, закуска обильная, крепкие напитки не разбавлены. Главный секрет: цены в трактире не сравнить с ресторанными. У знаменитого Палкина готовый обед из трёх блюд без вина обойдётся в два с половиной рубля. А у Васильева за полтора рубля получишь графинчик водки, полную тарелку холодной говядины, гору солений, хлеба – сколько хочешь и чай с самоваром. Кто ж откажется.

Место, отдалённое от глаз начальства: впереди Галерный остров, окружённый рекой Фонтанкой, и сама хозяйка Нева. Глухое, в общем, место.

Один толкнул другого в бок.

– Отойдём облегчиться?

– Да, надо бы перед дорожкой...

Они завернули в большой двор за трактиром. Фонарей тут никогда не было. В темноте виднелись силуэты дровяного сарая и хозяйственной постройки. Снег лежал сугробами.

Приятели отошли подальше, где запах указал, что не они

первые побывали тут.

Одни из них согнулся, держась за живот.

– Петя, что с тобой?

– Ничего, Вань, живот свело, не обращай внимания. Сейчас отпустит...

Иван отошёл на два шага к большому сугробу, расставил ноги. Петя оглянулся, вытащил из кармана пальто нож, метнулся вперёд. Он замахнулся, целясь в спину, чуть ниже шеи. Лезвие мелькнуло в темноте. Рука с ножом наткнулась на препятствие и замерла. Иван перехватил запястье напавшего, крутанул его руку так, что Петя взвыл от боли, согнулся, будто перед прыжком в воду. Нож не выпустил. Находясь в беспомощном положении, с задранной назад и вверх рукой, он старался достать противника ударом ноги в колено. Иван был готов. Ботинок тыкался в пустоту. Ещё более завернув руку, Иван заставил Петю упасть лицом в нечистый сугроб.

– Хочешь жить – признавайся, кто подослал...

Петя стоял на коленях, шапка съехала на затылок, в рот набился снег, он отплёвывался и постанывал.

– Что ты, Ваня, это же шутка, никто не посылал. Отпусти, больно...

– Значит, пошутить решил с ножом. Эх, Петя, неумный ты, не основательный человек... Ничему-то не научился у Ивана Дмитриевича. Думаешь, я не понял, зачем ты пригласил меня в трактир. Наивный человек, глупый...

– Не понимаю, о чём ты...

– Всё ты понимаешь... Не желаешь напоследок душу облегчить? Признайся, кто заплатил, чтобы меня амба?³

Петя хрипел раненым зверем.

– Ваня, перестань... Клянусь, это была шутка, в мыслях не было ничего дурного. Да зачем мне тебя убивать. Умоляю, пощади... Мы же приятели...

– Приятелями мы никогда не были, Петя... Завидовал ты мне, завидовал, что Иван Дмитриевич меня примечает. А разделаться со мной тебе приказал...

Тут Иван наклонился и на ухо, будто могли услышать, произнёс имя.

– Так ведь?

– Нет! Нет... Ты ошибаешься... Это ложь, это не он, – Петя замотал головой и потерял шапку.

– Эх, Петя. Если бы не знал имени, ответил: не знаю, кто это. А ты отпираться начал, меня ложью попрекать. Выходит, врёшь ты: знаешь его.

– Ваня... Ваня... Ну поверь же, ничего такого... Слово даю...

– Слово даёшь? Ну признайся, сколько предложили? Рублей тридцать? Больше? Надо же... Ладно, знаю, что за мою душу обещали пятьдесят. Двадцать пять вперёд, остальное – после, как дело сделаешь.

– Какая ерунда... Отпусти.

³ Амба – воровской жаргон, означающий один сильный, смертельный и окончательный удар ножом.

– Не ерунда, ты сам показал.

– Что ты врёшь... Откуда...

– Ты в трактире новенькой четвертной кредиткой⁴ расплатился. Откуда у тебя такие деньги, если за месяц жалованье получаешь в шестьдесят рублей, а на праздниках всё спустил? Сам жаловался, что без копейки остался... Не подумал, плохо подготовился... Я как бумажку заметил, которую ты половому сунул, сразу понял... Думал, меня водкой одурманишь. Сам напился, чтобы деньги зря не пропали. Жадность тебя погубила. Ошибку допустил, Петя...

– Ваня, пощади... Отпусти... Не бери грех на душу...

– Прости, Петя, не могу.

Свободной рукой Иван вынул из онемевших пальцев финку и коротким ударом воткнул нож в область Петиного сердца. Надавил для верности. Пётр захрипел, дёрнулся и затих. Подержав, Иван отпустил его руку. Пётр осел лицом в снег.

Выждав, Иван повернул тело, вытащил нож, отёр о снег, сунул в карман.

– Говорят, оружие поверженного врага приносит удачу, – пробормотал он.

Обшарил карманы Петра, вытащил всё, что нашёл, затем сделал что задумал.

Подхватив за плечи, Иван поволок мертвеца к железным створкам, закрывавшим вход в подвал. Замка на петлях не

⁴ Обиходное название бумажных денег в 1877 году – кредитные билеты, четвертная – 25 рублей.

было. Распахнув створку, он пристроил тело над зияющим провалом.

– Прощай, Петя, – сказал и толкнул.

Из темноты донёсся тупой звук упавшего тела.

– Господа крысы, ужин подан...

Иван бережно закрыл створку, разметал свои следы на снегу и растворился во тьме Мясной улицы.

* * *

Не успеешь оглянуться, как минуло лет двадцать. И в нашей сказке пролетели года. Пролетели мигом, неуловимо, будто не было их, будто унеслись с ветром. Ах, жизнь, куда ты мчишься... Ну, да ладно...

Да, так вот, прошло двадцать лет. В нашей сказке – уже декабрь 1896 года.

* * *

За неделю до Рождества в холле гостиницы «Европейская» стояла богато наряженная ёлка. Зал был декорирован еловыми венками с алыми бантами и лентами. Такую причуду не встретишь даже в самых модных аристократических салонах. В Петербурге украшение к празднику ограничивалось ёлкой. Но ведь это «Европейская»! Особый случай.

Надо сказать, что в столице имеются отменные гостиницы: «Англия», «Франция», «Эрмитаж». Одна лишь «Европейская» по праву названия позволяет европейский шик. Мраморные колонны, начищенная бронза, хрустальные люстры, пышные ковры, вышколенная прислуга, ресторан с французской кухней и дородный швейцар у дверей. Не жалко заплатить втридорога. Жить в «Европейской» – показать всем неограниченные возможности или подтвердить статус чрезвычайно важного лица.

Буфетчик, служивший в баре гостиницы – недавно устроенном новомодном заведении, глаз имел намётанный. Когда господин в отменно сшитом костюме, явно от парижского портного, попросил городской справочник, буфетчик не поленился сбегать к портье и принести «Весь Петербург на 1896 год». Сразу видать: непростой гость, важной солидности. К тому же господин говорил хоть с акцентом, но прилично по-русски. Что для иностранца большая редкость. Гость прибыл в гостиницу сегодня – буфетчик видел его впервые.

Господин заказал кофе и отошёл к столику у окна, за которым виднелись Михайловская улица и Дворянское собрание. Открыв толстый том, он перелистывал страницы.

В бар вошёл господин, затянутый в строгий чёрный костюм, огляделся, помахал рукой, направился к столику и занял кресло напротив.

– Вещи в номере, барон, – сказал он.

– Николас, друг мой, прошу без церемоний. Для вас – про-

сто Алонсо. Во всяком случае, вне службы.

Буфетчик, принеся кофе, услышал незнакомую речь: не французский, не немецкий и не английский. Что-то необычное. Редкие гости. Он спросил по-французски, не желают ли господа чего-то ещё. Господа не желали. Буфетчик с поклоном удалился, стараясь подслушать отголоски речи, чтобы разгадать загадку языка, а не спрашивать у портье.

От свечи, стоявшей на столике, барон прикурил сигару и выпустил клуб дыма. Николас ограничился папиросой.

– Изучаете справочник столицы? – спросил он.

Барон отрицательно покачал головой:

– Кто-то оставил... Полистал от любопытства.

– Вы, барон, простите... Алонсо, бывали в России?

– Нет, никогда...

– Восхищаюсь вашим упорством: выучить русский самостоятельно...

– Не совсем самостоятельно, – барон улыбнулся. – Без вашей помощи я бы не справился. Читать книги Тургенева, Достоевского и графа Толстого куда проще, чем говорить...

– Вам не жаль своего времени? К вашим услугам переводчик, и я всегда помогу.

– Друг мой, знаете, для чего дипломату понимать язык страны, где он будет служить?

– Делать комплименты?

– Не совсем.

– Покорить русских чиновников знанием языка?

- Чтобы знать, о чём они говорят у тебя за спиной.
- Как козырь в рукаве?
- Именно так...

Протирая бокалы и прислушиваясь, буфетчик догадался: это испанский. Или португальский. Точно – португальский. Надо же, из какого далека занесло. Да ещё в русскую зиму. Буфетчик заметил: между господами невидимая, но прочная граница – как между начальником и подчинённым. Такое не скроешь.

Барон положил сигару на край хрустальной пепельницы.

– У меня к вам просьба, Николас.

Господин в чёрном костюме затушил папиросу.

– Всё, что в моих силах, Алонсо.

– Присмотрите за Жоаво. Я был вынужден взять его с собой. Причина вам известна.

Николас кивнул. Сын барона в свои восемнадцать лет отличался таким темпераментом и страстью к женскому полу, что до беды недалеко. На родине отцу пришлось затушить пару скандалов. Что обошлось в круглую сумму.

– В моём положении выходки Жоаво неприемлемы, – сказал барон. – В ближайшие дни буду занят, у меня намечено несколько конфиденциальных встреч. Оставляю Жоаво на ваше попечение.

– Не беспокойтесь...

В бар вбежал молодой человек. Лицо покраснелось, чёрные кудри были в беспорядке, словно он вырвался из лап

плохого парикмахера. Вбежал и плюхнулся в кресло.

– Папа! – разгорячённо вскрикнул он. – Я нашёл её!

На лице барона появилось выражение: «О нет, только не это!»

Николас понимающе кивнул.

– Кого ты нашёл, Жоаво? – мягко спросил отец.

– Она удивительная, невероятная, она пронзила моё сердце! Она чудо!

– Где же ты её встретил?

– Тут, в холле, он прошла, и сердце моё чуть не выпрыгнуло! – Юноша подпрыгнул в кресле.

– Опять горничная? – с тоской спросил барон.

Жоаво замахал руками:

– Что ты! Нет, папа, я теперь знаю, она не горничная! Она прекрасна... Волшебная! Единственная!

– Жоаво, давай успокоимся, будем разумны, мы только приехали в незнакомую страну...

Призыв родителя к разуму был услышан: Жоаво вскочил и выбежал из бара.

– Не волнуйтесь, Алонсо, я присмотрю, – сказал Николас.

– Вся надежда на вас.

Барон хотел обсудить пару насущных вопросов, но в процессе снова появился Жоаво и стал так яростно жестикулировать, что мужчины были вынуждены подойти к нему.

– Вот она!

Восторженный Жоаво указывал на девушку, которая шла

к парадным дверям.

На ней были зимний полушубок с меховой опушкой, длинная шерстяная юбка. Кожаный фартук, завязанный сверху зимней одежды, закрывал её от шеи до подола юбки. Голова закутана серым шерстяным платком. Она несла две корзины, замотанные холстиной. Под тканью что-то шевелилось. Девушка бросила взгляд на мужчин и юношу, опустила глаза и быстро вышла. Швейцар с поклоном открыл перед ней дверь.

Жоаво схватился за голову.

– Папа, ты видел? Это чудо!

От восторга юноша сжимал кулачки на груди.

Барон помрачнел.

– Ты прав: это не горничная. Это ещё хуже: она кухонная прислуга. Какой позор... И это мой сын.

– Но, папа!

– Не смей! – Барон сдержал крик, который рвался из отцовской души. – Ты наследник титула, ты должен быть образцом поведения. Мне с таким трудом удалось назначение. Не позволю твоему сумасбродству всё испортить.

– Папа... – попытался Жоаво.

– Молчи... Запрещаю даже заикаться об этой... Об этой прислуге. Думать не смей.

– Папа...

– Отправляйся в номер, сиди там. Без моего разрешения носа не показывать. Иди...

Прорычав раненым зверем, Жоаво быстрым шагом направился к лестнице.

– Николас, вы всё видели, – барон был печален.

– Да, я всё видел...

– Вы понимаете...

– Девица редкой, вызывающей красоты... Жоаво можно понять, – сказал Николас, глядя на парадную дверь. – Как жаль, что такая внешность досталась простой работнице...

– Вся надежда на вас, друг мой, – барон похлопал его по плечу. – Не допустите до скандала.

– Можете не сомневаться, сеньор...

* * *

За четыре дня до Рождества в магазинах творится нечто невообразимое. Толпы ошалевших покупателей ищут, перебирают, высматривают и яростно торгуются за каждую копейку. Приказчики падают с ног, магазины торгуют до полуночи и открываются с раннего утра. Такое праздничное безумие случается каждый год.

Что поделатъ, если каждый год матери семейства вспоминают, что подарки детям, мужьям, родне и подругам ещё не куплены. Гусь для праздничного стола дожидается в лавке. Надо срочно что-то предпринять, чтобы к Рождеству было как положено: подарки под ёлкой, стол ломится от угощений, муж трезв и потому послушен. Вспомнив, что праздник на

носу, дамы бросаются штурмовать ёлочный базар у Гостиного двора, лавки Гостиного двора и все магазины на Невском проспекте.

Большой Пассаж тоже подвергается осаде жаждущих набрать подарки. Широкие витрины никто не рассматривает, покупатели толпятся внутри, толкаются, требуют от приказчиков внимания к себе и разве не выпрыгивают над головами. Впрочем, ожидание радостного и светлого праздника смягчает сердца. Скандалы не случаются, люди обходятся взаимными извинениями, если кто наступил кому-то на ногу или толкнул в бок. Праздничная суeta, что тут скажешь...

В вечерний час, когда охота за подарками достигает точки кипения, к Пассажу подъехала пролётка. С неё сошла дама в меховом полушубке, с модной шляпке и с бархатной сумочкой. Лицо дамы скрывала чёрная вуаль. Войдя в Пассаж, она не спеша пошла по главной галерее, которую составляли витрины магазинов. Дама останавливалась у витрин, будто рассматривая, но при этом старалась незаметно обернуться и проверить, не идёт ли за ней кто-то.

Сделав остановки у четырёх, а то и пяти витрин, дама дошла до другого выхода из Пассажа – на Итальянскую улицу. Тут развернулась и, перестав играть в филёра, стала разглядыватьдвигающуюся толпу. Кого могла заметить в суete спин и зимних пальто, представить трудно.

Постояв с минуту или чуть более, дама вышла на Итальянскую. С извозчиком повезло. Она села в пролётку и назвала

адрес. Пролётка тронулась, медленно пробираясь по уличной толчее.

Тому, кто шёл за дамой через Пассаж и намного раньше, не понадобилось брать извозчика. Успевал пешком. Даже не запыхался. Ему уже было известно, куда дама направилась. Просто нужно убедиться наверняка.

* * *

За три дня до Рождества портье Калабасову выпал черёд стоять за стойкой. Тяжело трудиться, когда вокруг все готовится к празднику, а многие уже начали праздновать так, что из ресторана до номера их сопровождают официанты. Что поделать, за место в «Европейской» многим приходится жертвовать. Он углубился в счета, которые надо разнести по номерам. Отвлёк его вежливый кашель.

– Чем могу служить, мадемуазель? – Калабасов натянул дежурную улыбку.

Перед ним стояло юное создание, прятавшее личико под вуалью. Внешний вид говорил, что барышня из приличных, а не из тех барышень, которых так просто встретить на Невском проспекте – они сами встречаются. Но «таким» вход в «Европейскую» строго запрещён. Ну, почти строго... Надо заметить, что правила приличия запрещали девушке без сопровождения отца, или мужа, или брата, или матери, или сестры, ну или хоть какой бабушки или тётушки, вот так са-

мостоятельно явиться в гостиницу. Калабасов отнёс правила и проявил либерализм. Ради праздника.

Мадемуазель спросила, в каком номере проживает иностранный гость. Калабасов прекрасно знал, насколько это важный гость и почему остановился у них в гостинице. Незвестную девицу без разрешения пускать нельзя. Он постарался мягко объяснить. Барышня возразила, что должна передать очень важное сообщение. Голос выдавал волнение. Предложение воспользоваться услугами Калабасова для передачи было решительно отвергнуто, ему заявили, что она должна сама и только сама.

Юная настойчивость вызвала умиление. Незвестно почему Калабасов назвал номер на втором этаже. Барышня так поспешила, что забыла про благодарность. Она почти побежала по лестнице. Портёе отправил присмотреть за ней Ваньку, толкового мальчишку-посыльного. Не прошло и пяти минут, как барышня сбежала с лестницы и выскочила из гостиницы, будто спасалась от погони.

Грешным делом Калабасов подумал: уж не романтическая ли история? Уж не пальнула ли она в иностранца? Будет тогда праздничек...

Ванька вернулся с беззаботным видом, что пригасило тревогу.

– Ну? – строго спросил портёе.

Ванька доложил: барышня постучала в номер. Открыл господин в чёрном костюме, встал в проёме двери, спро-

сил, что ей угодно. Она сказала, что желает видеть иностранца. Господин спросил, по какому вопросу. Ему было заявлено: «по личному», говорила взволнованно. Ей ответили, что приёма нет и не будет. Просят не беспокоить. Иначе вызовут полицию.

– Тут девица как толкнёт господина, голову сунула в номер, значить, и бежать, – закончил Ванька доклад.

Чем подтвердил репутацию толкового малого. С таким умом далеко пойдёт, может до портье дослужиться. Калабасов успокоился: главное – никакого скандала, а тем более выстрелов от неразделённой любви.

– Всё? – не менее строго спросил он, чтобы не баловать.

– Как есть всё, Иван Ефремович...

– Ну иди. Далекое не отлучайся, понадобится.

Шмыгнув носом, Ванька отправился туда, куда тянет любого ребёнка: рассматривать ёлку и тайком тягать с веток конфеты. Всё равно вечером новые повесят.

Портье задумался: иностранец солидней некуда – сын, секретарь, живёт всего четыре дня, а уже какая-то девица объявилась. Странность всё-таки... Не надо было её пускать.

Калабасов дал слово не поддаваться обаянию и в другой раз проявить непреклонность к барышням в вуалях. Как положено служащему гостиницы «Европейская».

* * *

Наступило Рождество.

Сколько радости! Сколько счастья!

Перезвон колоколов плывёт над столицей. Мороз красит щёчки девиц. Все улыбаются, радуются, смеются, поздравляют, родные целуются, дети под ёлкой разбирают подарки, «грабят ёлку», снимая с веток конфеты и орешки. В домах начинается праздничное застолье и разговение после долгого поста. Прислуге, дворникам и городовым дарятся подарки. Нет души, которая не радуется Рождеству! Великий праздник, одна великая радость на всех.

А сказка наша продолжается.

* * *

Рождественским вечером 25 декабря в доходном доме на Екатерингофском проспекте, что наискосок от Никольского собора, многие окна были освещены, мелькали тени танцующих, доносились обрывки праздничных славословий, пение и звуки пианино. Жильцы предавались веселью.

Около дома появился плотный мужичок в тулупе мехом внутрь и шапке-измайловке. На плече у него висела верёвка, на концах которой болтались немаленькие плетёные кор-

зины. Он по-свойски открыл калитку ворот, незапертую ради праздника, заглянул в сторожку дворника, поздравил с праздником, отказался от рюмки, получил ключ, поднялся на последний этаж. На лестничной площадке отпер дверь. Войдя в тёмную прихожую, снял корзины. Под тряпкой, натянутой поверху корзины и завязанной бечёвкой, что-то забурчало.

– А ну цыц!

Он зажег масляный фонарь с большим кольцом, бросавший бледный жёлтый свет в оконца. Мужичок прислушался. В комнате было тихо.

– Попрятались, мои хорошие, – пробормотал, как отец играет с дитём.

Подняв фонарь над головой, он вошёл в комнату, которую можно было назвать гостиной, если бы не скромные размеры.

– Где же вы, голубушки...

Середину комнаты занимал стол, накрытый к чаю. Как будто хозяйка не дождалась гостей, ушла, не прибрав.

Поводив по сторонам фонарём, мужичок заметил, что под столом лежит что-то белёсое. Вроде как куча белья или тряпок. Что странно. Хозяйка отличалась аккуратностью и педантичностью. С годами положительные черты характера превратились в мелочный кошмар.

Мужичок подошёл к столу, присел на корточки и посветил фонарем.

То, что открылось, было так мерзко, что заставило отшатнуться. Ноги не удержали, он плюхнулся задом на пол.

— Мать честная...

Тут до мозгов его дошло, что сидит он посреди комнаты в чужой квартире, а рядом с ним... Если кто заглянет из соседей, как потом отвертишься? Пристав не поверит.

Вскочив пружиной, мужичок дунул на огонёк фонаря, споткнулся о ковёр, чуть не упав, тихо ругнулся, вышел в прихожую, накинуд на плечо верёвку с корзинами, тихонько спустился по лестнице, тенью проскочил двор, ключ оставил у порога дворницкой и, скрипнув калиткой, исчез в ночной улице.

Что же теперь?

Как же так?

Где же сказка?

Как принято говорить: это была присказка, не сказка. Так и мы повторим. Сказка только начинается.

Действие первое

Танец заводных кукол, мазурка

Утром 26 декабря в роскошном доме на Таврической улице, в квартире, которую занимал чиновник Министерства иностранных дел Борис Георгиевич Ванзаров, устроили утренник. Приглашены были дети сотрудников министерства. Отбирали гостей строго: приглашены отпрыски тех, кто был равен Борису по чину, но особенно тех, кто стоял на ступеньку или две выше. Налаживание дружеских связей чиновнику всегда полезно.

Устройством праздника занималась супруга Бориса Елизавета Фёдоровна. Дочь тайного советника Мертенса, члена Совета Министерства внутренних дел, тонко понимала, что радость деток начальников поможет карьере её мужа. А потому не стеснялась в расходах.

В гостиной красовалась и пахла свежайшая ёлка под потолок, укутанная гирляндами флажков, разноцветным серпантином, свечками, конфетами и орешками в золотой фольге. Развлекательная программа включала танцы, шарады с призами, игру в «слепую мышку» — с завязанными глазами пройти ряд препятствий на полу по командам игроков. В квартире стоял визг и смех. Разгорячённые малыши носились

как угорелые, забыв про манеры и воспитание, а их матерям оставалось только умиляться. Ведь это не их гостиную разносило «турецкое нашествие». Борис добродушно улыбался, наблюдая за разгромом ваз, статуэток и прочих безделушек, которые надо было спрятать.

Наконец безобразию был положен конец. Розовощёких, вспотевших детей кое-как рассадили по стульям, обмахнули и отёрли платочками, пригладили растрёпанные волосики, напоили лимонадом. Мальчикам и девочкам мамы внушительно сообщили, что сейчас надо вести себя смирно, иначе не получат подарки. А мы с вами знаем, что нет ничего ужасней для ребёнка, чем остаться без подарка на Рождество.

Пианист занял место за клавишами. Начался концерт.

Программа была обширная. Сначала выступил пародист, который изображал голоса птиц и зверей. Дети, ставшие послушными, вежливо похлопали в ладошки, болтая ножками. Затем выступил фокусник, который показал несколько фокусов с картами, шляпой и превращением трости в букет цветов. Его наградили искренними аплодисментами. После фокусов перед зрителями выступила певица, певшая таким оперным голосом, что Борис тихонько поморщился. Дети тоже порадовались, когда пытка оперой закончилась.

Настал черёд особому номеру, на который Елизавета Фёдоровна возлагала особые надежды. Пианист заиграл мелодию из балета «Щелкунчик», который после премьеры в

1892 году в императорском Мариинском театре стал чрезвычайно популярен. А два года спустя вышло переложение партитуры балета для фортепьяно.

Дети притихли. Музыка была тревожной и немного страшной. И тут в дверях появилось чудовище. Оно шло сгорбленной крысиной походкой, пальцы растопырились когтями и тянулись к детям, на шее огромной крысиной головы торчало ещё шесть маленьких голов. Мышиный король о семи головах вышел из сказки, чтобы сожрать малышей. Он был натурально страшен.

Раздался детский писк. За ним другой. Девочки уткнулись личиками в юбки матерей и разрыдались, мальчики дрожали, вжавшись в спинки стульев, утирали слёзы. А маленькие сыновья Елизаветы Фёдоровны от страха прижались к матери. Детский рёв заглушал пианино. Мышиный король всё крался и крался, выискивая, кого бы похитить и превратить в шелкунчика. Чёрным замыслам не суждено было сбыться. Появился господин крепкого сложения, схватил Мышиного короля за шкурку, легонько ткнул в живот, развернул и как тряпичную куклу вытащил вон, держа одной рукой.

Теперь уже Елизавета Фёдоровна замерла от ужаса: какой позор, какой скандал! Пианист, не зная, что делать, замер на ноте. Дети всхлипывали и сопели носиками. Тут поднялась дама, жена важного чиновника министерства, от души крикнула «Браво!» и бурно захлопала, награждая аплодисментами хозяйку дома.

– Блестяще! Какая изумительная выдумка! Какой сюрприз!

Дамы и дети поддержали. Аплодировали все. Елизавете Фёдоровне оставалось отдать благодарный поклон и приступить к раздаче подарков.

Всё сложилось как нельзя лучше. Пережитое волнение украсило щёчки Елизаветы Фёдоровны румянцем.

– Дорогая, кто этот рыцарь с усами цвета воронова крыла и вихром соломенного цвета?

Дама в исключительно модном платье пришла одна. Приглашение она получила с тайным умыслом, в котором Елизавета Фёдоровна не хотела сама себе признаться. Ну, так, на всякий случай пригласила. Мало ли что.

– Ах, Амалия, это мой шурин, младший брат Бориса Георгиевича, Родион.

– Ему около двадцати четырёх, не так ли?

– Двадцать шесть.

– Чем занят? Служит?

– Это так ужасно, дорогая: он чиновник сысской полиции. Вы понимаете, какое пятно на нашей семье.

Амалия понимала: полицейские не входили в число тех, кого рады видеть на званных праздниках. Родство с полицейским ничего, кроме презрения окружающих, не вызывало. Особенно у образованной публики.

– Кажется, он не женат? – спросила Амалия, надеясь найти каплю хорошего в полицейском.

– Другое горе: сколько слёз пролито, каких девушек находили. А ему всё равно.

– Вот как, – Амалия задумалась. – А если попробую я?

Елизавета Фёдоровна вздохнула так искренне, чтобы сомнений не осталось.

– Не хочу быть невежливой, но у вас ничего не получится.

– Почему же?

– Потому, что он... Он просто медведь. Ничем его не проймёшь. Не тратьте зря время.

– Всё же я попробую.

– Могу поспорить: у вас ничего не выйдет.

Амалия протянула ладошку.

– Принимаю ваше пари: после Крещения ваш Ванзаров сыграет свадьбу.

Помедлив для приличия, будто сомневалась, Елизавета Фёдоровна ответила мягким рукопожатием.

– На что спорим? – спросила она.

– На золотой орешек.

Елизавета Фёдоровна отметила про себя: золотой орешек работы Фаберже, с бриллиантами и эмалью – модная недешёвая безделушка. Но женитьба родственного чудовища стоит любых жертв.

– Я согласна, – сказал она. – Значит, срок назначаем...

– Десятого, нет – двенадцатого января будущего года.

– Никогда ещё так легко не выигрывала пари, – ответила Елизавета Фёдоровна, чтобы скрыть тайную радость.

В малой гостиной Борис только собрался пропустить глоток коньяка, как дверь распахнулась, показался Мышиный король, который болтал ногами в воздухе. Легонько тряхнув, его сунули на ближайший стул. Он вскочил, сорвал маску из папье-маше, под которой оказался взлохмаченный молодой человек.

— Как вы посмели! — с гневом заявил он. — Я — Мажецкий, корифей второго разряда балета императорского Мариинского театра!

— Хоть первого. Нечего детей пугать.

— Это искусство!

— Искусство должно радовать, а не приводить в ужас.

— Я буду жаловаться в полицию!

— Сыскная полиция к вашим услугам. Чиновник Ванзаров. Жду вашей жалобы.

Корифей сразу сник, пробормотал что-то про деспотизм, подхватил мышиную голову и гордой балетной походкой удалился.

Борис застыл с рюмкой.

— Ты что наделал? — наконец выдавил он.

— То, что должен был.

— Да ты понимаешь, что...

За дверями раздался гром аплодисментов и крики восторга. Под победный туш на рояле Борису оставалось проглотить рюмку. Что он и сделал. Настоящий дипломат умеет обернуть поражение милым пустяком.

– Ты что-то хотел мне высказать? – напомнил Ванзаров.

– Нет, нет, ничего, – Борис налил рюмку. – Угощайся.

– Спасибо, мне пора.

– Мы только начали, сейчас подадут обед...

– Я сыт, – ответил Ванзаров, не успевший с утра позавтракать. – Спасибо, что пригласили. Рад, что у меня такие замечательные племянники...

– Родион, постой.

Ванзаров поклонился и вышел, чтобы не мучиться запахом закусок.

В прихожей было пусто, если не считать горы дамских шуб на вешалках. Ванзаров вытащил своё пальто и нашёл шапку.

– Вам понравилась ёлка?

Его изучали взглядом. Дама, что позволила себе такое, сверкала зрелой красотой. Заметны ум, сила и хитрость, за тридцать, не замужем, состоятельная. Всё, что немедля донёс мгновенный портрет. Этот навык часто помогал. Ванзаров отточил его до остроты.

– Не люблю ёлки, – ответил он.

– Отчего же?

Причина была его тайной: в детстве маленькому Родиону на ёлках доставались худшие подарки – книги. Всё лучшее – солдатиков, клоунов и заводные игрушки – получал старший брат. Детская обида закопалась глубоко в сердце. Да так и осталась занозой.

– Жалко деревья.

Дама усмехнулась.

– У вас острый язык. Амалия, – она протянула руку.

Бережно, чтобы не испортить, Ванзаров пожал ручку дамы. Хотя предпочитал их целовать. Не здесь и не сейчас.

– Вам уже сообщили, кто я и как меня зовут, – ответил он.

– Немного... Вы совершили мужественный поступок, справились с Мышиным королём. Дети были в восторге.

– Сыскная полиция борется со злом во всех видах.

– Как благородно. Но есть сила, с которой вам не справиться.

– Интересно узнать.

– Магия, – ответила она, напрямик глядя ему в глаза. – Волшебство на Святках всесильно.

– Колдуете? – спросил Ванзаров, надевая шапку. – Это зря. Колдовство бессильно перед логикой.

– Вот и проверим, – Амалия повернулась, показав красиво обнажённые плечи, и исчезла, будто растаяла, как умеют исчезать загадочные женщины. Просто загадка природы. Честное слово...

Ванзаров вышел на пустую и морозную Таврическую. К нему спешил городской, придерживая на бегу шашку. Подбежал, козырнул.

– Здравия желаю...

– Ермаков, почему задержался? Я же просил: на час раньше...

– Прощения просим, господин Ванзаров, пристав послал с поручением. А вас господин Шереметьевский разыскивает.

– Сегодня день неприсутственный.

– Не могу знать, господин Ванзаров, как приказано, так и доложил. Вас требуют...

* * *

Леонид Алексеевич Шереметьевский занял место начальника сыска несколько месяцев назад, переместившись с должности товарища, то есть заместителя, начальника сыска. Обладая главным талантом чиновника – показать усердие на пустом месте, он старался произвести положительное впечатление. Особенно в первые месяцы на новой должности. В результате чего чиновники сыска бегали как угорелые, долгие дела вдруг стали закрываться, а в неприсутственные дни начальник чаще бывал в кабинете, чем дома.

Не обладая особыми талантами полицейского, Шереметьевский умел притвориться простачком. При этом отлично разбирался в людях. Он быстро понял, кто из его чиновников чего стоит. Кто может составлять бумаги, а кто дело делать. Кто послушен и подобоострастен, а кто норов показывает. Что было несложно: управление сыска состояло из одиннадцати штатных единиц. Все на виду.

Из всех чиновников упрямым характером и явным талантом выделялся Ванзаров. Шереметьевский понял, что этот

сможет довести любое сложное дело до конца. Однако не терпит вести бумаги как должно, высокомерен, не водит ни с кем из чиновников дружбу, в трактир с ними не ходит. А те его откровенно побаиваются, если не сказать чураются. Белая ворона в стае чёрных сюртуков. Что для службы не годится. Конечно, хорошо, когда под рукой есть тот, кто найдёт любого преступника. Но, с другой-то стороны... С другой стороны, начальнику такой непокорный подчинённый совсем не нужен.

Шереметьевский ещё не решил окончательно: выжить Ванзарова или приручить. Оба варианта были равно возможны. Он пребывал в смутных сомнениях.

В дверь кабинет дерзко постучали, начальник разрешил войти.

Ванзаров появился, кивком головы изобразил поклон, молча, даже не поздравив с праздником, как полагается воспитанному чиновнику. От его фигуры, коренастой и крепкой, веяло духом независимости. Дух этот начальство не переносит. Так сказать...

– Не сердитесь, что вызвал вас в неприсутственный день? – сказал Шереметьевский, как бы давая шанс проявить ответную вежливость.

– Никак нет, я готов, – последовал ответ, на какой начальник не рассчитывал.

– Чудесно. Тем более у вас впереди ещё два выходных дня. Я вот тоже на службе... Так вы садитесь, Родион Георгиевич.

Ванзаров сел плотно, а не с почтением – на краешке стула. Шереметьевский стал расспрашивать, как идут дела, которые вёл чиновник Ванзаров. Оказалось, что дел фактически не осталась, потому что одни раскрыты, а другие раскрыты, но пока не оформлены в бумагах. Ничем подобным другие чиновники не могли похвастаться. Что было и хорошо, и не очень с точки зрения Шереметьевского.

– Ну раз так, у вас найдётся свободное время для чрезвычайного важного поручения, – сказал он. – Найдётся ведь?

– Так точно, – холодно ответил Ванзаров.

– Чудесно. – Шереметьевский поправил ручку, неровно лежавшую в своём ложе в основании массивного канцелярского прибора зелёного камня с часами посередине. – Дело вот в чём состоит. Мы тут подумали и решили провести ёлку для сотрудников полиции. А то для малоимущих детей ёлку проводят все, кому не лень, а детей полицейских стороной обходят. Это неправильно. Дети не должны оставаться без праздника. Согласны?

– Так точно, – последовал ответ.

– Вот вам и поручается, – закончил Шереметьевский, наблюдая за непроницаемым лицом, украшенным усами.

– Прошу прощения, что именно?

– Организовать и провести детский утренник. Не позже 6 января, как понимаете. Все дети должны получить подарки.

Ванзарову потребовалось несколько лишних секунд, чтобы оценить масштаб бедствия: ёлка... утренник... развлече-

ния... подарки... Где он и где все эти радости? Утренник – это труднее, чем преступника разоблачить. Даже двух, нет – трёх!

– Какими средствами могу располагать? – наконец спросил он.

– Какими угодно! – Шереметьевский позволил себе вольный жест. – Какие найдёте – такими и располагайте. В бюджете сыскной полиции подобные траты не предусмотрены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.